

Экзистенциальный след «приглашения на казнь»

Эшафот как экзистенциал

Жизнь Достоевского столь значительно окрашена в трагические тона, что его можно поставить в один ряд с библейским Иовом. Уже в ранней юности судьба начала выказывать к нему свою неблагоклонность. Как гласит семейное предание, его отец, отставной штаб-лекарь, угрюмый и раздражительный человек был зверски убит в поле своими же крепостными крестьянами. Когда сын, обучавшийся в это время в военно-инженерном училище в Петербурге, узнал об этом, с ним впервые случился тяжелый нервный припадок.

В двадцатисемилетнем возрасте Достоевский неожиданно для себя превращается из блестящего, многообещающего литератора, пережившего первый громкий успех, в подсудимого арестанта. Он был заключен в каземат Петропавловской крепости за то, что посещал кружок М.В. Петрашевского, где обсуждались социалистические идеи антиправительственного характера.

Приговор, вынесенный судом узнику Алексеевского равелина, державшемуся во время следствия достойно и мужественно, требовал «подвергнуть смертной казни расстрелянием» отставного инженер-поручика Достоевского, обвиненного в дерзких, преступных замыслах против верховной власти и православной церкви.

Ранним утром 22 декабря 1849 года Достоевский вместе с другими приговоренными к расстрелу был привезен

на плац Семеновского полка для казни. Заранее был составлен «Проект приведения в исполнение приговора», предусматривавший размеры эшафота, одеяние казнимых, тему барабанного боя, ритуал преломления шпаг над осужденными, процедуру их облачения в белые рубахи-саваны, функции палачей и т.п.

Далее, как потом Достоевский опишет это в письме к брату, произошло следующее: «...троих поставили к столбу для исполнения наказания. Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты» (28, 161). Но внезапно барабан ударил отбой, приговоренных отвязали и зачитали новый приговор. Касательно Достоевского он гласил, что ему дарована жизнь, но что он лишается всех прав состояния, ссылается на каторжные работы на четыре года, а потом будет определен в военную службу рядовым.

Должно было миновать десять лет, прежде чем Достоевский, пройдя через сибирскую каторгу, был восстановлен в правах и получил разрешение вернуться в Петербург. В результате трагических перипетий и личная жизнь, и творческая биография писателя оказались разорваны на два периода. В первый, докаторжный этап Достоевский опубликовал повести, героями которых были в своем большинстве вполне безобидные петербургские обыватели. Произведения этого периода однозначнее, монологичнее будущих его творений. Они, скорее, заурядны, чем гениальны. Их создатель — это еще как бы не сам Достоевский, а всего лишь его предтеча. Это пока куколка, для которой превращение в бабочку еще впереди. Работая над «Бедными людьми», «Двойником», «Белыми ночами», «Неточкой Незвановой», писатель обрел мастерство, обнаружил незаурядные творческие способности, но свою *глав-*

ную тему и своего истинного героя, точнее, антигероя он еще не нашел.

Обретение антигероя

После четырехлетнего пребывания среди уголовных преступников Достоевский находит своего героя. Предметом его постоянных размышлений отныне становятся личность и судьба человека, *способного к преступлению как экзистенциальной авантуре*. От бывшего романтизма, юношеских фантазий и благодушных иллюзий ничего не осталось. Евангельская формула мира, «лежащего во зле», материализовалась для страдальца в полной и даже избыточной мере. Когда-то, еще шестнадцатилетним юношей он писал брату: «Мне кажется, мир принял значение отрицательное и из высокой, изящной духовности вышла сатира» (28/1, 50). Спустя четверть века у него имелись уже все основания утверждать, что мир в его отрицательном значении — это не сатира, а трагедия.

В 1862 году из-под пера Достоевского выходят «Записки из Мертвого дома» — книга документально-художественных очерков о нравах российских преступников, отбывающих наказание в сибирской каторге.

1866 год — это год выхода «Записок из подполья», которые можно считать своеобразным экзистенциально-психологическим введением в метафизику преступления Достоевского и рассматривать как пролегомены ко всей русской философии преступления XIX — XX веков.

В 1866 году Достоевский издает роман «Игрок», в центре которого оказывается авантюрная личность, равно несущая в себе предрасположенность и к азартным играм, и к криминогенным эксцессам. Одновременно писатель работает над романом «Преступление и наказание», где глав-

ный герой — подвизавшийся на юридическом поприще студент-убийца, чей путь пролегает от столичного университета до сибирского острога.

Тема преступления продолжает главенствовать в двух больших романах последнего творческого десятилетия — в «Бесах» и в «Братьях Карамазовых», а также в ряде очерков многотомного «Дневника писателя».

В фабульно-авантюрную ткань криминальных романов Достоевским искусно вплетено аналитическое содержание философского, социологического и психологического характера, дающее основание поставить писателя-мыслителя в один ряд с крупнейшими криминологами XIX века.

Достоевский, как никто, умел ввести читателя через занимательный детективный сюжет в самое средоточие сложнейших метафизических проблем человеческого бытия. Сила и оригинальность мысли, пронизательность метафизической интуиции, мощь духовных устремлений позволили ему стать одним из родоначальников русской философии серебряного века. Характерно, что никто из современников и последователей Достоевского так и не смог превзойти его в глубине анализа метафизических оснований феномена преступления.

Причины чрезвычайно пристального внимания Достоевского к теме преступления и к личности человека, грубо попирающего законы морали и права, коренятся не только в фактах его личной биографии. Хотя, конечно же, не будь в его жизни выпавших на его долю социальных ролей подследственного, осужденного и заключенного, ему вряд ли удалось бы стать столь глубоким и авторитетным аналитиком криминальной проблематики.

Не менее существенную роль в обращении Достоевского к художественно-философскому исследованию лично-

сти «человека беззакония» сыграли обстоятельства надличного, социально-исторического характера.

На Россию неумолимо надвигалась эпоха грандиозных общественных потрясений. На историческую авансцену готовился выйти в качестве главного действующего лица новый социально-психологический тип деятеля, которому предстояло совершить основные политические преступления XX века и ввергнуть страну в состояние невиданных катастроф.

Достоевский одним из первых почувствовал и осознал роковую, апокалиптическую значимость этого типа личности и поспешил направить всю свою творческую энергию, весь свой дар аналитика на исследование ее деструктивно-криминального сознания. За индивидуальными судьбами Раскольникова, Верховенского, Смердякова, Карамазовых виделась историческая и метафизическая трагедия российской цивилизации. Писатель выступил в роли «вестника», чья миссия, как утверждал Даниил Андреев, заключалась в том, чтобы предупредить мир об опасности, высветить самые темные слои человеческой психики, провести читателя по аду индивидуальных «подполий», не оставив незамеченным ни одного прячущегося беса. Сам Достоевский так говорил об этой, «вестнической» функции искусства: «Вся действительность не исчерпывается насущным, ибо огромною своею частью заключается в нем в виде еще подспудного, невысказанного будущего слова. Изредка являются пророки, которые угадывают это цельное слово» (11, 237).

Достоевскому выпала участь стать одной из ключевых фигур российской истории и культуры, выступить в роли человека-парадигмы. Его страдальческую судьбу дворянина, вобравшего в себя духовно-нравственный потенциал петербургской культуры *прошлого*, а затем оказавшегося в

роли без вины виноватого заключенного, смертника, каторжника, переживут в *будущем* как некую общую экзистенциальную модель-парадигму великое множество его соотечественников.

Упредив будущее страны своей личной жизненной, экзистенциальной драмой, Достоевский и в творчестве сумел совершить провидческий прорыв из XIX века в век XX. Силою своего гения он постиг глубинную суть тех трагических противоречий, логика которых развернется во всей полноте спустя несколько десятилетий. Приближение самого преступного в истории России века заставило писателя отвести темам идеологических, политических и уголовных преступлений, а также проблеме мотивационных «мыслепреступлений» ведущее место в своем творчестве.

Лишь немногие из наиболее дальновидных мыслителей и крупных писателей, наделенных незаурядной интуицией, обостренным социально-нравственным чутьем, улавливали истинную суть происходящего и сознавали степень опасности, грозящей российской цивилизации и культуре.

Кризисные явления общественной жизни, резкое увеличение массы морально-правовых противоречий, их качественное усложнение и усугубление, все это ставило культурное сознание — нравственное, художественное, философское — перед необходимостью ценностного самоопределения в контексте радикально изменяющейся социальной реальности. Аномия в ее первой начальной фазе социального кризиса существенно интенсифицировала развитие философско-правовой мысли и в определенном смысле способствовала появлению крупных мыслителей и выдающихся трудов по философии права и социологии права.

Многие морально-правовые противоречия, пребывавшие дотоле в свернутом виде и напоминавшие «вещи-в-себе», становятся теперь объектом разносторонних анали-

тических исследований при помощи различных гуманитарных средств. Глубинное неблагополучие нравственно-правовой ситуации в обществе заставляет российскую интеллигенцию упорно искать ответы на «проклятые вопросы» бытия.

Эта эпоха соединила и переплела в себе две социально-исторические тенденции — кризисную и возрожденческую. После реформ 1861 года Россия переживала, по существу, свой первый настоящий культурный ренессанс. Но природа ренессанса, как известно, всегда двойственна: генезис новых духовных, социальных форм сопровождается распадом и гибелью устаревших. Ситуация осложнялась еще и тем, что ренессанс пришел в Россию сравнительно поздно. В это время в Европе уже полным ходом шли процессы, связанные с развитием новой технотронной цивилизации. Россия, не успевшая последовательно пережить все естественные фазы своего духовного возрождения, оказалась втянута в общеевропейский политический кризис, обернувшийся катаклизмом первой мировой войны и дальнейшими, еще более страшными потрясениями. Ренессансные начала культуры оказались обречены на то, чтобы быть уничтоженными серией жестоких политических ураганов.

Отечественную интеллигенцию удручала культурно-историческая «недовыделанность» россиян, которые не прошли курса тех гражданских наук и тех исторических и социально-правовых уроков, что были уже усвоены европейцами. Если в цивилизованных государствах социальные противоречия в какой-то степени сглаживались и нейтрализовались культурой, то в России, где уровень общей, а также гражданской, политической, правовой культуры масс был значительно ниже европейского, те же противоречия, но уже ничем не сдерживаемые, способны были

обнаружить всю меру присутствующего в них разрушительного потенциала. Если на Западе, как остроумно заметил философ Е. Н. Трубецкой, даже черт выглядел таким джентльменом при шпаге и шляпе, то у нас он откровенно выказывал свои копыта и хвост.

И было страшно вообразить, что произойдет, если «недосиженные» обитатели Российской империи преждевременно вырвутся в творцы истории. Опасения усугублялись еще и тем, что перед глазами людей XIX века уже прошли события французских революций, устроенных «культурными европейцами» и тем не менее сопровождаемых попираньем норм морали и права, террором, гильотиной, расстрелами, всполохами гражданских войн, гибелью тысяч ни в чем не повинных людей.

Криминография против мизантропии

Нельзя не упомянуть и еще об одном важном обстоятельстве, влиявшем на избирательные предпочтения Достоевского в области творческой тематики. Посредством писательства он вел собственный духовный поиск, решал собственную экзистенциальную задачу по самоопределению в пространстве множества противоречащих друг другу философских идей, религиозных и нравственных смыслов. Данная задача оказалась для него, как впрочем, и для всех его современников, крайне сложной в силу того, что это смысловое пространство постоянно взвихривалось происходящими общественно-историческими и социокультурными переменами. В нем непрерывно совершались смещения ценностных ориентиров, происходили «наползания» одних нормативных принципов на другие.

Достоевскому было важно не только самоопределиться мировоззренчески, философски, но, прежде всего, уберечь

свою душу от грозящей ей опасности губительной мизантропии. Он неоднократно оказывался в ситуациях, угрожающих ему нравственной смертью. Подобно Альцесту в мольеровском «Мизантропе», он часто готов был повторять:

Все, что я вижу, глаза мне раздражает,
Впадаю в мрачность я и ощущаю гнет,
Лишь посмотрю кругом, как род людской живет!
Везде предательство, измена, плутни, лживость.
Повсюду гнусная царит несправедливость.
Я в бешенстве, нет сил мне справиться с собой,
И вызвать я б хотел весь род людской на бой!

Задача устоять духовно, нравственно и не рухнуть в бездну ожесточения против всех и вся была для Достоевского крайне важна. В качестве прямого свидетельства достаточно вспомнить лишь одно из его признаний в письме из Сибири: «Вот уже очень скоро пять лет, как я под конвоем или в толпе людей, и не одного часу не был один. Быть одному потребность нормальная, как пить и есть, иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником. Были и у меня такие минуты, когда я ненавидел всякого встречного, правого и виноватого, и смотрел на них, как на воров, которые украли у меня мою жизнь безнаказанно. Самое несносное несчастье, это когда делаешься сам несправедлив, зол, гадок, сознаешь все это, упрекаешь себя даже — и не можешь себя пересилить. Я это испытал» (28–1, 177).

Далеко не случайно, что почти все главные герои Достоевского проходят через аналогичные переживания мизантропического характера. Писатель словно намеренно заставлял их решать те духовно-нравственные задачи, которые для него самого имели первостепенное значение. Но если сам он никогда не переступал роковой черты, за кото-

рой неприязнь и ненависть к ближнему превращалась в практическое, буквальное, натуральное изничтожение этого ближнего, то наиболее одиозные из его героев прошли полностью этот страшный путь, совершив преступления.

Для Достоевского в теме преступления сошлись, словно в фокусе, все самые крупные вопросы человеческого бытия, касающиеся Бога и Дьявола, свободы и смерти, вины и ответственности, судьбы и воздаяния.

Бывший фурьерист-петрашевец сумел обрести для себя нравственный идеал. Им стал Христос как живительный источник светлого, благодатного опыта, веры, надежды, любви, без которых жизнь оборачивается нравственной гибелью во мраке мизантропии. В итоге два полюса — «человек беззакония», преступник внизу и Христос вверху — образуют ценностную вертикаль, вокруг которой отныне будет вращаться вселенная Достоевского.

В проблемном пространстве темы преступления все смыслы оказались сгущены до чрезвычайно высокой концентрации. Она открывала необычайно широкие возможности для показа метафизической драмы борьбы человека с темными, разрушительными силами, гнездящимися в нем самом и содержащимися в окружающей его реальности.

Достоевский умер 29 января 1881 года, а уже через несколько дней, 2 февраля, выдающийся русский юрист А.Ф. Кони выступил на общем собрании Петербургского юридического общества с докладом «Достоевский как криминалист». Это была одна из первых попыток взглянуть на творчество великого писателя-мыслителя с позиций юриспруденции, криминологии.

За прошедшее столетие значение этой задачи ничуть не приуменьшилось. Уникальный опыт художественного, психологического, социологического, метафизического

осмысления феномена преступления по-прежнему требует серьезного изучения.

Сегодня можно с полным основанием говорить о том, что Достоевский — это «исток и тайна» русской метафизики преступления. Уже для философов серебряного века его криминальные романы стали чем-то вроде первичного материала, исходных текстов, над семантическими пространствами которых вдохновенно парила их мысль. Метафизика Достоевского как личная форма его творческого мирозерцания с доминирующим в нем интуитивно-сверхсознательным подходом к сущему и должному и по сей день сохраняет в себе огромный энергетический потенциал, способный питать мысль новых поколений.